

МАРИЯ
ПАНКЕВИЧ

**ДОЛИНА
КРАСОТЫ**

ЛИМБУС ПРЕСС

Мария Панкевич
Долина красоты

«Издательство К.Тублина»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Панкевич М. В.

Долина красоты / М. В. Панкевич — «Издательство К.Тублина»,
2021

ISBN 978-5-8370-0905-1

В этой книге рассказывается о скандально известной экспериментальной школе-интернате, создателем и бессменным директором которой был академик М. П. Щетинин. Открытая в 1994 году в поселке Текос Краснодарского края, эта школа была закрыта в 2019 году решением суда на основании претензий Министерства просвещения. Мария Панкевич сама училась в этом интернате, поэтому достоверность свидетельства не подлежит сомнению. При этом «Долина красоты» – не документальная, а художественная книга и рассказывает она не о пороках и злоупотреблениях, царящих в закрытых учебных заведениях, а о свободе и ее подавлении, о становлении и взрослении, об одиночестве и любви.

УДК 821.161.1-31

ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0905-1

© Панкевич М. В., 2021

© Издательство К.Тублина, 2021

Содержание

Предисловие	6
I часть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Панкевич

Долина красоты

Ученикам школы Щетинина – спасибо за храбрость и искренность

Посвящается мой названной сестре Рите.

Ее сердце остановилось 2 июня 2021 года, в 33 года.

Вечная память, моя родная, увидимся, но в этот раз, надеюсь, не слишком скоро!

Лера Томпсинская, спасибо, что показала ей мир.

Вика Махова, Рита тебя любила

*Спасибо Людмиле Михайловне и Анатолию Михайловичу
Сенокосенко за безграничное терпение, любовь и помощь*

*Ну и, конечно, моему папочке, почетному адвокату РФ Виктору
Александровичу Ермишко*

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021

© А. Веселов, 2021

Предисловие

Плохая девочка

Четырнадцатилетнюю учащуюся питерского лицея принудительно определяют в закрытую школу-интернат на юге России. Заведение расположено в живописном месте и носит звучное греческое название «Текос» (в переводе – «долина красоты»).

Юная воспитанница быстро замечает в укладе элитного образовательно-оздоровительного учреждения пугающие, неприятные странности, которые вскоре оборачиваются для питерской девочки-подростка кошмаром наяву. Там царит жесткая вертикальная иерархия, а примитивные практики управления поведением замешены на нездоровом культе руководителя, доморощенной эзотерике и псевдорусской духовности. Для свободолюбивой Маши школа будущего оказывается бесчеловечной машиной подавления личности. Читателю будет небезынтересно узнать, что описываемое в книге заведение имеет конкретный адрес и реквизиты: речь идет о широко известной в узких кругах адептов альтернативного «ньюэйджеровского» образования школе под руководством недавно почившего академика Щетинина. Читатель получает возможность краем глаза увидеть, что скрывалось в начале нулевых за стенами заведения, получившего в результате раскола после смерти педагога-новатора скандальную известность.

«Я рассказала, каково мне было в школе Щетинина, и я хочу, чтобы так не было ни у кого больше» – так определяет свою позицию автор Мария Панкевич.

Однако следует сказать, что Мария Панкевич – автор не документальной, а художественной книги. Что читателю предлагается автобиографическое литературное произведение, а не журналистское расследование. Эта книга не о пороках и злоупотреблениях в закрытых учреждениях авторитарного типа, а о свободе и ее подавлении. Перед нами в первую очередь роман воспитания. Его главным содержанием является отнюдь не уникальный опыт выживания подростка в спецусловиях. Интернат Щетинина лишь следствие, один из срезов проявления власти, манипулирования сознанием и психологического насилия. Примерно то же самое в миниатюре происходит в семье главной героини. Она учится в престижной школе, растет в полной и внешне благополучной семье, но при этом находится в предельно чуждой и травматичной среде, которая также является, в свою очередь, аппаратом насилия и подавления. Немудрено, что формирование личности человека под двойным давлением авторитарной и токсичной психопатологической среды происходит с деформациями, в результате которых неблагоприятной и неприглядной становится именно желанная обретаемая свобода, связанная с опасными злоупотреблениями и рискованной близостью к криминалу.

Это роман прежде всего о трудном становлении и взрослении, об одиночестве и любви на фоне переходного слома конца девяностых – начала нулевых. Книга Марии Панкевич жестко нарушает стереотип, укоренившийся в сознании массовых читателей по поводу «доброго и светлого» позитивчика, который должен, по их мнению, иметь место, если речь идет о школе и тем паче о семье. Это роман о внутреннем опыте, который обретает подросток в заведомо чужеродном окружении, и о преодолении этого опыта. Многим в четырнадцать лет любая внешняя, а также внутренняя привычная семейная среда становится чуждой и враждебной. Единственное, за что может уцепиться трудный подросток, какой бы сильной и цельной натурой он ни был, – это любовь.

Такую книгу могла написать только плохая девочка, потому что хорошие девочки не пишут хороших книг.

Наташа Романова

I часть

Дитя асфальта

Я уже полчаса пытаюсь застопить машину. Автомобили проносятся слишком быстро, но кто-то добрый все же сбрасывает газ и притормаживает. И вот я уже смотрю на серый серпантин через лобовое стекло, по которому стекают капельки дождя. Справа горы, слева горы. Печка в машине пашет на полную, как зимой. Негромко работает радио, водитель неразговорчив, что к лучшему. Мне есть о чем подумать по дороге домой.

Может, все эти приключения случились со мной потому, что в детстве я любила африканские сказки?

Мне было шесть лет, и я была дома одна. Толстую книгу я обнаружила случайно: искала спрятанный от нас, детей, разговорник Илоны Давыдовой, по которому неспешно познавала словарь плотской любви и плоских подкатов. А нашла сказки. Поморщилась от отгаликивающего рисунка на лимонной обложке, открыла – и уже не смогла от нее оторваться.

Книга называлась «Путешествие в Город Мертвых, или Пальмовый Пьянар и его Упокойный Винарь». Написал ее сказочник Амос Тутуола в далеком 1952 году. Вот это сокровище, откуда же оно появилось в нашем книжном шкафу? Родители не покупали, это точно – мама работала в библиотеке, где были все книги на свете, даже самые редкие и старинные, то есть бесценные. Но эта была особенной, она была моей новой тайной. Такие сказки не должны были нравиться, они были написаны для того, чтобы затягивать в неведомый жестокий мир колдунов и волшебных существ, подвигов и предательства. Это была древняя магия!

Загадка не давала покоя, но спрашивать взрослых было нельзя, они бы отобрали ее у меня только из-за названия, не говоря уже об оглавлении: «Мы боялись прикоснуться к существам в корзине», «Трудно приветствовать друг друга в корзине...», «Путешествовать по лесу очень опасно, но идти по дороге мертвых – опасней», «В животе у голодного существа»...

Вторая часть, «Симби и Сатир Темных джунглей», потрясла меня до глубины души. Девочка Симби выросла в богатой семье в большой деревне и не знала, что такое бедность и лишения, но была любопытной и упрямой. Украд у родителей черного петуха, она отнесла его старику-прорицателю, который пообещал помочь найти ответы на ее вопросы. На перекрестке трех дорог они со стариком совершили обряд жертвоприношения, и в тот же момент Симби получила сильный удар по голове. Похититель детей Дого засунул ее в мешок и утащил по пыльной каменистой дороге, чтобы продать в рабство. «Ты окунешься в лишения даже глубже, чем собиралась, потому что лишения от бедности бывают почти бездонные...» – философски пообещал он своей новой жертве.

Так начались злключения Симби. Ей садили на голову толстые надзирательницы, чтобы немного передохнуть, ее новорожденных детей толкли в ступке, чтобы вызвать дождь, ветра приковывали несчастную к скале, но она убежала, преодолела все испытания и с помощью духов мертвых вернулась домой к семье, что казалось просто невероятным, учитывая ее испытания. Что-то похожее случилось и со мной в подростковом возрасте. Или я воспринимала это так?

...В этой странной школе я никогда не хотела учиться. Мама меня туда буквально затолкала. Кроме шуток – схватила за шкварник, втокнула в приоткрытую дверь, и я оказалась на середине огромного кабинета.

Деревянный пол был разрисован яркими подсолнухами. В окно било июльское солнце. Седовласый директор, педагог Михаил Петрович Щетинин, сидел в центре комнаты с баяном на коленях. Вокруг него на стульчиках разместились дети, которые прошли большой конкурс при поступлении, пассионарии – новые ученики Школы Будущего.

Пришлось тоже присесть на случайно (не случайно!) свободный стул.

* * *

Директор нараспев рассказывает какую-то легенду о горах, растягивая меха своего баяна. Дети слушают, замороженные, – и вдруг Щетинин с воплем швыряет баян в центр зала. Кто-то нервно хихикает, кто-то вскакивает. Перепугались все, лишь я сижу как истукан на стуле и думаю: «Ого, да он совершенно чокнутый!»

На концертах в рок-клубах я видала и не такие глупые выходы.

Мне пятнадцать лет, я учусь в престижной французской гимназии, окончила музыкальную школу, но мечтаю стать не скрипачкой, а журналистом. Поэтому я просто поражена коварным замыслом мамы отправить меня в закрытое учебное заведение на юге России из гимназии в Санкт-Петербурге. Мне до сих пор не верится, что она всерьез считает – я буду жить в интернате, носить длинные юбки, петь народные песни... Несмотря на мои протесты, все же мы туда приехали – в маленькое село Текос, что находится в часе езды от Геленджика в сторону Сочи.

В этой школе живут сыновья старого отцовского приятеля. Их мать рассказала моей о новаторских методах академика Щетинина, пока младший, смуглый Сашка, кружил меня на сильных руках так, что в глазах сияющие звезды танцевали гопад по черному южному небу. Пасторальная идиллия с покусываниями золотистых соломинок под кустами и жаркими поцелуями в обжигающем воздухе (парень был красив, как юный фавн) привела к очередному классическому скандалу, мощной пощечине от мамы и увенчалась отъездом на следующее утро из дома друзей семьи под вопли: «Моя дочь – шалава малолетняя!»

Но мысли о школе-интернате не покинули мамину буйную голову. «Да! – вдохновенно подпекает сериальным ментам в телике вконец обезумевшая мамаша. – Пусть не по правилам игра!»

Чтобы меня точно не взяли в школу, я наредила губы ярко-красной помадой, и мама выносила мне за это мозг несколько часов на потеху людям, пока мы ехали в душном автобусе.

Пыльная дорога от трассы ведет направо. Нужно миновать пост, на котором дежурят казаки. Просто так в школу не пройти – дежурный администратор, симпатичная девушка с толстой косой и в длинной юбке, проводит беглую экскурсию.

В Центре комплексного развития личности детей и подростков нет классов ни в прямом, ни в переносном смысле на манер западных педагогов-новаторов Монтессори и теософа Штейнера. Понятия «урок» нет («урочить» – по-древнерусски значит «сглазить», объяснили нам).

Оценок и дневников в этой школе нет. Классов нет тоже, как и такого понятия, как «возраст». На вопрос «Сколько тебе лет?» принято отвечать: «Вечность». Особенно смешно это слышать от какого-нибудь малыша.

На стене главного корпуса надпись: «Быть России вечно без вора!» Учитель Щетинин утверждает, что «Россия» – производное от «Ра» (имени бога Солнца или названия мифической реки), точно так же как и «Масква» (но не Москва) – мать городов русских.

Везде царит идеальная чистота. Дети улыбаются, наперебой здороваются, девочки в длинных юбках или штанах, ненакрашенные, парней в шортах тоже не видеть, несмотря на страшное пекло.

На мне белая полупрозрачная майка с вырезом, французская белая теннисная юбка, кепка козырьком назад и темные очки. Я сижу на скамейке, вытянув ноги, умирая от жары. Все глазект на мои острые колени, и я спрашиваю, можно ли закурить, пока мамаша разужнает про центр.

«Нет!» – с ужасом отвечает пробегающая мимо незнакомая девица и просит меня снять темные очки, мол, это атрибут западной цивилизации. Тут уже мне приходится ей отказать.

Когда я вижу восторженную мамину реакцию на школу Щетинина, мне становится не по себе. Щетинин учит, что главное – это «быть в потоке», быть открытым миру, сливаться с живым в единое целое и тогда, как по волшебству, все начнет получаться само собой. Начнут происходить «озарения» (один красивый расписной зал так и называется – «Озарение»). Ты сможешь предчувствовать события, читать чужие мысли или обмениваться информацией с такими же, как ты, без слов. Не занимаясь академическим рисунком, стать великим художником – ты проводник, а рукой твоей будут водить, грубо говоря, напрямую из космоса. Управлять временем, замедлять и ускорять его, тоже вполне реально.

Маме нравится комплексный подход директора к процессу обучения. Он обещает вырастить из детей новую элиту *Рассии*, будущих президентов, хозяйственников. Идея сверхчеловека, людей Будущего, новых Атлантов, новых Ариев, Гениев – это ей близко. Ведь она меня воспитывала по инновационным методикам и растила именно как гения. Я еще не умела говорить, но уже показывала буквы крошечным пальчиком и составляла из них слова. А потом вырос «подросток-недоносок», и маму это беспокоило. Сколько она в меня вложила, и это для того, чтобы я таскалась по прокуренным подвалам, где играют рок? Для того ли она беременной ходила в капеллу и Эрмитаж, развивая еще в утробе мой эстетический вкус?

Наплевать, что у меня уже своя рубрика в питерском глянцево-м журнале для подростков о широко известных в узких кругах рок-деятелях, я общаюсь с диджеями популярного радио «Модерн» и рок-музыкантами и хочу в будущем профессионально писать о музыке. В Петербурге остались моя любимая подруга Саша и без пяти минут жених, звукорежиссер Макс. Они же никогда не найдут меня в этой дыре!

Но мама настроена воистину решительно и где-то даже героически. «Чем хуже, тем лучше!» – патетически восклицает она. После расставания с отцом эта цитата из романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» стала ее дурацким двусмысленным девизом. Что она вообще творит?!

Еще совсем недавно мамаша яростно утверждала, что мы уезжаем на юг только до осени, «оздоровить организмы» и отдохнуть от «чертова Питера», где она «пашет как вол на трех работах» – преподает в институте, пишет статьи в журнал и делает омолаживающие маски для лица приятельницам и некоторым малознакомым женщинам. Но теперь я вижу, что ее всерьез захватывает идея меня «слить» и «попытаться наладить личную жизнь» по полуэзотерическим букварям, с которыми она последнее время не расстается.

Увы, мама всерьез увлеклась так называемыми самопознанием, самосовершенствованием и самолечением. Несколько полок нашего книжного шкафа прогибаются от «душеспасительной» литературы, а заодно и от косметологических пособий с яркими иллюстрациями.

Как вы помните, в девяностые годы прошлого века над умами и кошельками людей стали активно трудиться экстрасенсы, ведуны и прочий сброд, которому в Советском Союзе не давали обманывать трудящихся. Был в моде псевдоцелитель, который заставлял всю свою семью обливаться на морозе ледяной водой и всюду лазил босой. Уже тогда писал и продавал свои уринотруды Геннадий Малахов, который сейчас пролез на телик.

Судя по маминей подборке книг и различных методичек, она мечтала резко стать сексуальной стервой, миллионершей и никогда не стареть; да и кто бы не мечтал об этом? Но если сеансы Кашпировского были безобидным развлечением, отдыхом у телевизора, то уринотерапия отразилась на нашей семье просто катастрофически. Мамаша в нее уверовала.

Детская моча, писал Малахов, наиболее целебна, так как малыши еще не зашлакованы и во всех смыслах чисты. Поэтому мама пыталась принудить нас с младшим братом ее сдавать и употреблять; мы с трудом соглашались только на сдачу урины в тару. После этого на плите проводились алхимические опыты по ее выпариванию. Вонь при этом стояла чудовищная. Отец подобных экспериментов не выдерживал и с матом покидал жилище.

Одна из маминых подруг утверждала, что вылечила рак благодаря тому, что пила свою утреннюю мочу и улучшила зрение, капая ее в глаза. Наверное, моя матушка очень любила свою маму, потому что, когда ту разбил инсульт, принялась ее спасать всеми мыслимыми способами.

Бедная бабушка воспрепятствовать альтернативной медицине не могла, так как была парализована. В больницу ее мать отдавать не хотела, уверяя, что врачи ее точно погубят. Бабушка, судя по всему, тоже так считала, потому что приходящую медсестру кусала из последних сил, и та решила больше не посещать наш гостеприимный дом.

Стиральной машины у нас не было, и отец покупать ее отказывался, несмотря на все мамшины мольбы, поэтому обоссанные простыни приходилось вываривать в эмалированном тазу на плите.

Бабушка скончалась первого января.

Мне было десять, и я, как обычно по вечерам, проводила время, читая на диване под настольной лампой. Я слышала, что в соседней комнате мама волнуется, умерла ее мама или нет, но решила туда не идти – игра в больницу мне за несколько лет порядком надоела.

Вбежал мелкий брат и спросил с волнением, как проверить, дышит ли бабушка. Я отодрала от книжного шкафа маленькое зеркальце, приклеенное пластилином, молча протянула ему и записала на полях книги карандашом: «01.01.1995. 22:30. Сегодня умерла моя бабушка. СПб». После этого книгу я закрыла и убрала на полку, потому что уже через минуту в комнату влетела рыдающая мама, потащила меня с собой и заставила целовать бабушкин труп в ледяной лоб. Я не хотела этого, потому что действие было бессмысленным – это было просто тело, как предмет мебели, и я не чувствовала ничего.

Мама еще некоторое время поразгоняла на тему, что мы можем вернуть в бабушку душу, если всей семьей будем над ней держать ладони и молить Бога. Мы честно старались, но ничего не вышло.

Когда приехала труповозка (папино словечко), я почувствовала такое облегчение, что рыдала много часов подряд. Мать со слезами гладила меня по волосам и умилялась, как же я любила бабушку. Я плакала еще сильнее – от стыда, что плохо просила Боженьку, неискренне. А вот батя не стал лукавить и даже шутил в телефонную трубку, когда вызывал скорую, что теща наконец сделала ему хороший новогодний подарок; мама его потом за это горько упрекала. А на следующий день, второго января, он купил, как он выражался, «в семью» магнитофон и поставил нам музыку группы DDT для праздничного настроения.

Мать спросила, пойду ли я в церковь ставить свечку за бабушку, и я растерянно заметалась по квартире. Видя мои сомнения, она зарыдала и кинулась прочь, захлопнула входную дверь, придавила ее и закрыла снаружи ключом. Плача, я вернулась к отцу, тот утешил: «Да и хер с ней!» – и мы долго лежали на диване и слушали Шевчука в полном духовном единении.

После того как наш отец (по выражению мамы – ирод, такой же черствый, как и я) отказался быть примерным семьянином и «встал на путь порока», она поняла, что одной с двумя детьми на руках тяжело. Интернат, в который она меня привезла, спонсируют государство и частные лица. Дети годами живут там в домах, которые строят сами, поддерживают порядок, готовят еду и работают, параллельно получая образование по новаторским методикам. На тот момент это была экспериментальная площадка Министерства образования, спорный и скандально известный проект.

Главное в проекте – возможность бесплатно получить высшее образование, убеждает меня мама. Она-то знает, как трудно в Питере поступить на бюджет! Оказывается, Щетинин подписал договоры с неплохими вузами, например, Ростовским государственным строительным университетом, и можно после одиннадцатого класса заочно учиться дальше. Похоже, она расписала мое будущее на триста лет вперед.

Название села «Текос» переводится с адыгейского как «долина красоты», рассказывает нам девушка-экскурсовод. Там и вправду невероятная природа: упоительный аромат горных трав и цветов, высокие горы надежно закрывают поселок от ветров, поэтому там субтропики, свой микроклимат. Как в Греции, рассеянно замечает мама. Я, в отличие от своих одноклассников, за рубежом ни разу не была, поэтому поддержать светскую беседу о погоде не считаю нужным.

Жарища в Текосе несусветная: пот течет по лицу до самого вечера, озеро с подвешенной над ним тарзанкой, к сожалению, все зацвело зелеными и желтыми цветами; горные речки почти пересохли, остались тонюсенькие ручейки.

«Не дури, поступай сюда! Неужели тебе, будущему журналисту, не интересно?! – давит мама. – Проверь себя, попробуй, ты же не слабачка! Напишешь потом про школу!»

Спасибо, мамочка, за идею. Я резко против.

«Либо здесь живешь, либо на улице!» – в сердцах кричит мама. Наверное, лучше здесь. Пусть пока успокоится. Втайне я рассчитываю уехать обратно домой, когда она вернется узнать, прошла ли я первый трехдневный испытательный срок.

У меня одно условие – паспорт остается со мной. Это повод для дополнительного нехилого скандала, но тут я одерживаю принципиальную победу в соответствии с законодательством. Мой документ, и будет при мне, талдычу я, потому что больше ничего у меня не остается. Вещи мамаша обещает привезти через несколько дней и оставляет меня буквально в одних трусах, своей бежевой длинной юбке с разрезом до колен и футболке. Ни зубной щетки, ни полотенца, ни мыла – «у девочек пока попросишь».

И вот я, спотыкаясь о подол маминой юбки, что мне великовата, торжественно поднимаюсь на второй этаж дома «Сура» (оказывается, где-то в России есть такая река). В комнатах дивчин двухэтажные кровати, у парней в главном корпусе трехэтажные. Соседки по комнате немедленно заставляют меня лезвием бритвы соскрести яркий педикюр – «У нас так не принято!» – и зашить разрез на юбке. По странной иронии я попадаю в лицей математиков, хотя первый раз на второй год по математике меня хотели оставить еще в третьем классе.

* * *

Первый вечер в центре проходит спокойно.

Оказывается, наш коллектив «выходит на вечернее дежурство по кухне». Выглядит это так: парни выносят во двор бак на пятьдесят литров, дежурная по раздаче кладет дымящую кашу в тарелки, а еще несколько ребят быстро ставят их на длинный стол перед едоками. Деревянные скамьи, торопясь, занимают лицеисты и начинают жадно есть с хлебом вприкуску. Дежурные едят последними, но я вообще не могу притронуться к такой еде, и не потому, что она остыла. Я не ходила в детский сад, ни разу не была в детских лагерях, я элементарно брезгую. На четвертый или пятый день я все же отваживаюсь поесть постного борща. На это никто не обращает внимания, как и на мою «голодовку».

Почему-то за ужином, наблюдая за новыми товарищами, я вспоминаю, как совсем маленькой девочкой попросила у мамы приготовить яичницу с помидорами (слова «омлет» я еще не знала). «Нет еще в магазинах помидоров, зима!» – объяснила она. «Тогда сделай яичницу как с помидорами, но без помидоров!» – настойчиво просила я. Мать пошла на кухню, достала маринованные помидоры из закатки и пожарила их с яйцами. Я попробовала, удивилась и не стала доедать. Она швырнула тарелку в раковину и горько зарыдала.

В школе нельзя есть мясо – якобы ты наполняешься агрессией убитых животных. «Думаешь, мы с твоим братом мясо едим?!» – восклицает на это мама негодуя. Рыбой тоже не кормят, хотя наши хлопцы ловят ее на продажу в поселке Криница, что недалеко от Текоса.

Конечно, нужны разрешения от Санэпиднадзора, а так меньше ездят и проверяют, что происходит в центре на самом деле.

Молоко у нас сухое, чай самый дешевый и ядреный – «Краснодарский». Кусок хлеба с подсолнечным маслом, особенно если покрошить в тарелку бульонный кубик, – самая ходовая еда. Я узнаю названия и говенный вкус неведомых доселе «лакомств» – ячка, сечка, пшеничка, перловка («Ну и хорошо, здоровое питание!»)... Манную кашу дают раз в неделю, по субботам, и небольшой кубик сливочного масла в придачу – хочешь, мажь на хлеб, хочешь, кидай в тарелку. Здорово, когда есть выбор. Учащиеся рассказывают, что сейчас с едой все неплохо, а раньше вообще кормили отстойно, пшеницей с хурмовым сиропом: «Когда на обед ешь эту байду, запаренную шесть часов на огне, через два часа срьшь непереваренной крупой!»

В первую ночь в центре, проснувшись в туалет, я ловко прыгаю со второго этажа кровати, но приземляюсь не на пол, а на спину спящей девочки постарше. Та тяжело стонет, но даже не просыпается. Я-то думала, я ее искалечила или сейчас огребу!

Но спали здесь крепко. Немудрено – подъем в четыре тридцать утра. А с пяти до семи утра занятия – какая-то гадина придумала, что в это время дети лучше всего усваивают информацию («Ну а что ж, не все до обеда валяться, как дома!»). В семь пробежка и купание в горной речке («Руки из карманов вынь! Не у себя в Питере!»), душ и опять учеба. В десять, когда есть хочется уже невероятно, лицеистов зовут к завтраку. Рацион однообразен: и утром каша, и вечером каша, зато разная, вечером могут дать гречку.

В школе своя пекарня (говорят, как-то там парень с дивчиной закрылись, и в тесто что-то попало, а на вопрос что, начинают хихикать как придурки). После завтрака и до полудня продолжаются занятия, потом рукопашный бой или русская народная хореография. Щетинин собрал целый ансамбль песни и пляски «Кубанушка» – хлопцы постарше между собой называют его «Кабанушка», потому что дивчины там дородные. Меня туда тоже взяли за хороший голос, и лицеисты считали, что мне повезло, но из ансамбля с позором выгнали, после того как я задремала на песне «Черный ворон».

После душа продолжаются занятия, а после скромного обеда (суп да каша) наступает долгожданный час личного – педсостав говорит, лишнего – времени. Можно написать письмо домой, почитать, вздремнуть, если получится. До семи вечера снова учеба, а после ужина начинаются «огоньки» и «сборы по направлениям». Каждый лицей отчитывается перед своим директором, что полезного сделано и кто себя проявил за день. В девять вечера начинается общий сбор. В джинсах, которые считаются рабочей одеждой, идти никак нельзя – только если лицей в этот день дежурит.

* * *

Щетинин вызвал меня к себе в кабинет на третий день обучения.

– Ты дитя асфальта! – изрек он обвинительно. – Возвращайся в свой мрачный город!

Я представила себе перекошенное лицо мамы и ответила:

– Мое место здесь. Я хочу быть казацкой дивчиной!

– Казацкая дивчина... Ты хоть знаешь, кто это? – седовласый Щетинин улыбнулся в усы каким-то воспоминаниям. – Одна маленькая девочка раньше так себя называла. Иди!

Испытательный срок мне продлили.

В первую же неделю учебы у меня украли все трусы, которые привезла заботливая мама. В следующий приезд она громогласно возмущалась: «Врешь, сучка! – Мамаша часто называла меня сучкой, может, к слову приходилось. – Кому они нужны, трусы твои? Небось, сама по кустам растеряла?!»

Мне тоже не верилось, но нижнее белье пропадало регулярно, и не только у меня. Последние трусы я примотала ниткой к изголовью кровати, но ночью какая-то овца срезала ниточки

и их стянула. Это не слишком удивило по пробуждению: я уже поняла, что дивчины в школе Щетинина коварны и не слишком брезгливы. Решив не устраивать бесполезных разборок, стала ходить как хиппи, без трусов, – юбки ведь длинные, какая разница, многие звезды вообще белья не носят. К счастью, племянница Михаила Петровича провела «сбор девчат», на котором выразительно объяснила, что, надевая чужие труселя, ты принимаешь на себя негативную карму их предыдущей обладательницы. Дивчины немного уgomонились, и пропажи на время прекратились.

Мне очень не хватало любимой музыки. Я пыталась ставить новым соседкам по комнате ирландский фолк, но те возражали, что слушать такое в школе нельзя. Они же объяснили мне, что рок убивает людей, потому что барабаны разрушают генную память.

Директор проводит сборы с непременно баяном. Все садятся в круг, студентки подтягиваются поближе к Щетинину. Для разминки он начинает «разгонять» под музыку свои мантры: «Русь... Россия... Рас-сея... Ра – свет! Сея – сеять! Идет сеятель по земле Русской... Росской... Рось... Ра... Травинка... Веточка березы белой...»

Михал Петрович учит, что за каждым из нас стоят невидимыми наши пращурьы и нужно всегда помнить об этом. Выходит, просить о помощи, кроме мертвых предков, некого, а если моего отца мама называла иродом, то мой настоящий отец – бог Род? Меня все время клонит в сон, но нужно внимательно слушать. Никто не может лечь спать просто потому, что устал или неважно себя чувствует. Нельзя «выпадать», нужно быть одним целым, «держаться состояние», жить «по сердцу, по чувству», а не «рассудочно», то есть осмысливая свои действия.

Каждый вечер Учитель рассказывает одну из своих красивых легенд. Медитативная, медленная речь, яркие образы героев, что поступали по справедливости, жертвуя собой, – все это вызывало у детей абсолютное к нему доверие и желание идти за этим «святым человеком», куда бы он ни сказал. Алгоритмы, заложенные в этих легендах, образ справедливого и мудрого Отца, с которым нельзя обрывать связь (а Щетинин играл именно эту роль в центре), важность Рода, как бога, так и рода твоего, воскрешение родовой памяти через народные песни и сказания – все было направлено на то, чтобы слушатели ненадолго выпали из реальности, вошли в некоторый транс. А потом начинался «разбор полетов».

Сначала большой пряник, потом плетка-семихвостка. Это как с новенькими при поступлении: сначала тебя хвалили, оказывали доверие (например, когда узнали, что я знаю французский, то организовали лицей французского языка и назначили меня его директором), а потом «опускали на дно», и от тебя отворачивался весь коллектив, чтобы не стать таким же аутсайдером. Теперь ты делал все для того, чтобы получить прежние одобрение, похвалу, уважение. Если ты доверие оправдывал, проникался идеями центра и вкалывал как проклятый, тебя снова немного «приподнимали».

Эмоциональные качели были непрерывной частью учебного процесса, и каждый день тебе приходилось доказывать, что ты достоин своего места под солнцем. Миниатюрная модель этих манипуляций – общий сбор. Сначала сказочка после раннего подъема и тяжелого рабочего дня, а потом всем сестрам по сусалам для усиления эффективности учебного процесса.

Телепат Батяка Щетинин уже все на свете знает: какой лицей сегодня был пассионарным, а какой облажался. Он никогда не называет провинившихся по именам, предпочитает говорить иносказательно: мол, одна дивчина из одного лица... Все и так понимают, о ком речь. Некоторые слабачки убегают в рыданиях. Это мощный прессинг – когда подростка «выводят на круг», даже если не упоминать имени того, кто накосячил, общее осуждение в закрытой системе невыносимо.

Сборы затягиваются допоздна, и вот после них уже сложно успокоиться. Хотя ночами тоже надо следить, все ли закрыты окна и двери и не крадется ли какой злодей к корпусам, поэтому устанавливаются дежурства. Среди ночи тебя будят, и час ты охраняешь дом, в котором ты живешь, а потом снова ложишься спать до 04:30 утра.

Мы очень мало спим. Позже я прочла, что это первый признак тоталитарной секты, первая примета режимного учреждения. Люди должны уставать настолько, чтобы им хотелось только поспать. Главное – они не должны думать. Поэтому, наверное, и нужно «жить по сердцу»?

Но самым жутким оказалось то, что все поголовно были вшивыми. Мамаша регулярно привозила шампунь от педикулеза и ругалась: «Сто рублей опять потратила, как другие, интересно, справляются?»

Я объяснила, что одни мажут голову бензином или керосином, другие красят волосы, вроде бы краска помогает. «Мажь бензином, краситься не смей!» – приказала она. Впрочем, толк от такой терапии был нулевой, потому что чесались все и конца и края этой эпидемии видно не было.

И все же мама, спасибо ей, приезжала ко мне намного чаще, чем другие кукушки к своим детям. С одной стороны, это понятно: из того же Сибая или Якутска не налетаешься, а Новороссийск недалеко, в нескольких часах езды. От бабушки у нас остался небольшой саманный дом, и они с братом из Питера переехали туда.

* * *

В школе не было ни одной свободной минуты – то мы чистили картошку, то мыли полы, то натирали паркет, то дежурили по кухне, то учились... Постирать свои вещи в тазике в душе зачастую не хватало времени. «Отдых – это смена видов деятельности!» – любила говаривать вслед за Сухомлинским моя мудрая мать. Я познала эту истину, когда разок обмочилась ночью. Это стремно, особенно для тех, кто никогда не ссался в детстве. Просто так устала, что не смогла проснуться. Когда встаешь в полпятого утра, весь день учишься и работаешь, непонятно во сколько ложишься, даже молодой организм не выдерживает. И когда я ночью несла мокрую простыню застирывать в душ мимо дежурных хлопцев, то от всей души желала здоровья и директору центра, и педсоставу, и своим любящим родственникам.

Моя соседка по комнате спала с открытыми глазами. Многие по ночам стонали и кричали. Обстановку сложно было назвать спокойной – нервное напряжение, большие физические перегрузки, скандалы, интриги, расследования.

Основная работа на летний период – стройка и сады. Конечно, я до этого срывала какие-то плоды с деревьев, но это было развлечением, причем не самым любимым. Такой масштабный ад я увидела впервые. Все работают как единый механизм, подгоняя друг друга.

Пока дивчины «пассионарно, оперативно и реактивно» срывают фрукты, парни подтаскивают пустые ведра и уносят полные. Люди просто диву даются – никто так быстро и тщательно не производит уборку садов. За смену восемнадцать человек собирают двадцать три плодово-яблочного на сорокаградусной жаре, когда норма для такой команды – два плодово-яблочного. Падалицу (тоже новое для меня слово) разрешают брать с собой, но немного – по пакету в руки. Все витамины, думаю я. Тем более что есть хочется постоянно.

«На виноград», в поле, которое не убиралось лет двадцать, нас везут как солдат, в козелке, закрыв машину брезентом. Духота, давка, мы сидим на коленях друг у друга, кто поет «Катюшу», кого-то тошнит. Когда выгружаемся, то видим бетонный сарай, на котором накарябано: Welcome to hell («Добро пожаловать в ад»). Усталый немолодой мужик снимает замок, что оберегает имущество от неведомых посягателей, и раздает ржавые кривые куски металла, которыми надо срезать кисти спелого винограда – секаторов на всех не хватает, я так и думала.

Ерунда! С воплем «Банзай!» мы ломимся выполнять боевое задание. Дорожки заросли колючкой по пояс, я рву джинсы, а ноги в сандалиях быстро превращаются в живую рану. Виноград мы скидываем в когда-то белые, а теперь грязные мешки. Я жду захода солнышка как

чуда, как же оно сегодня медленно скатывается к горизонту! Похалаявить нельзя – все следят друг за другом, подгоняют, дразнят, если ты замедляешься.

С нами отправился взрослый немец Гетхард. Он с ужасом делится со мной обрывочными впечатлениями на ломаном английском, рассказывает о сказочных виноградниках Германии, где люди в белой спецодежде не спеша ходят по ровным дорожкам и срезают острыми ножами виноград, аккуратно погружая его в стерильную тару. Мы общаемся урывками и шепотом, потому что за нами в открытую шпионят остальные текосяне, требуют говорить на русском, доложить, о чем мы говорим. Для меня эта простота хуже всего на свете, я хлопаю глазами: ребята, вы всерьез? Это невежливо!

Гетхард с женой Татьяной прибыли в Текос из небольшого немецкого университетского городка, узнав о новаторском эксперименте Щетинина, и сняли в поселке квартиру. Татьяна преподает нам филологию. Вечерами она по собственной инициативе приходит в нашу комнату девочек и читает вслух сказки Гессе. Это прекрасно.

Меня она приглашает в гости, и один раз я все же прихожу, но эти походы сразу же запрещает жирная Виктория со сложным отчеством Габлукадыровна, которая рулит нашим лицеем. Я пробыла у преподавателей всего ничего, мы просто выпили чаю, но она считает такое неформальное общение лишним.

Я никому не говорю, что Татьяне удалось тронуть меня – хоть она строгая и сдержанная, но почему-то погладила меня по волосам и сказала так же сухо, как на лекциях: «Бедная девочка!» Это был единственный раз, когда меня в центре хоть кто-то пожалел. Это было неожиданно. Может, даже для нее.

Скоро они уехали из школы, и нам никто не объяснил почему, это тоже было не принято, мол, каждому своя дорога. Но я знала: они тоже все поняли, просто сделать ничего не могли и равнодушно смотреть на это не могли, это были порядочные люди.

Мне никак не удавалось привыкнуть к новой жизни. Например, большим сюрпризом для меня стало то, что в центре нельзя дружить. Если ты с кем-то сблизился, то сначала вас начинали дразнить какими-то древними советскими подстебками («Мы с Тamarой ходим парой») и в лучшем случае «разводили» по разным лицам. Отношения должны быть одинаково ровными со всеми – и ни с кем не стоит обсуждать ничего важного. Я хорошо это уяснила, когда первая же моя подружка внезапно перестала со мной общаться.

Хельга, красивая тонкая блондинка с короткой стрижкой и серыми большими глазами, окончила среднюю школу и приехала в Текос поступать на декоративно-прикладное отделение в Армавирский институт. Мы с ней сразу нашли общий язык, потому что обе оказались в центре недавно и еще хорошо помнили прежнюю жизнь.

Я рассказала ей о родном Питере, о своей любимой девушке Алекс и первом поцелуе с артистом Дмитрием Нагиевым в мыльной пене на сцене БКЗ «Октябрьский» первого апреля (я тогда подарила ему цветы и мягкую игрушку, а он был немного нетрезв). Она мне поведала о своих сумасшедших романах, девичьих мечтах и далеко идущих планах. Хельга дала мне поносить свою клевую белую майку с иероглифом и потребовала потом ее выстирать. Вместо этого я выпила ее огуречный лосьон для лица, чтобы посмотреть, как она злится. Отвратительный привкус во рту был еще долго.

Мест в центре часто не хватало, особенно когда шел набор новеньких, – спали по двое на кроватях, часто и на полу, кто-то вылетал, кто-то оставался. Мы с Хельгой волей судьбы оказались на втором этаже деревянной кровати, наши соседки уже сопели в две дырки, порой издавая неожиданные звуки, а мы шептались, и ее шепот становился все интимнее и нежнее. Думаю, тому виной не только лесбийские наклонности (хотя Хельга уже тогда на память цитировала мне Отто Вейнингера, который утверждал, что всякий гений бисексуален). Наверное, причина в юношеских гормонах, одиночестве, взаимной симпатии и желании произвести друг на друга незабываемое впечатление.

Дивчины чудовищно храпели. Мы сначала над ними хихикали, потом стали целоваться. Хельга вошла в раж и принялась зверски выкручивать мои соски, приговаривая: «Прими эту боль! Она твой союзник. Расслабься, растворишься в боли! Девочка моя, тебе это понравится!» Я сдерживала жалобные крики и извивалась, Хельге это нравилось; я помню ее садистскую улыбку, приоткрытый рот и влажные белые зубы; она облизывала мне губы быстрым язычком и притворно меня жалела. Внезапно дверь из коридора в темную комнату распахнулась, заглянула какая-то студентка и заметила, что мы не спим. Больше увидеть она ничего не могла, но на следующий день я уже скатывала свой матрас и переезжала из дома «Сура» в Главный корпус. С Хельгой, видимо, уже поговорили, потому что она была на удивление молчалива, печальна и ничего мне не объяснила, кроме того, что больше мы общаться с ней не будем. Играло какую-то роль и неотправленное письмо, в котором она делилась с краснодарской подругой, какая, мол, я веселая девчонка... Но его выкрали и прочли.

В Главном корпусе меня поселили в комнату, которая называлась «Печка». Летом русскую печь не разжигали, но спать можно было на ней круглый год. У первой же девочки, с которой я познакомилась в новом лицее, на лице, шее и руках были страшные огромные ожоги от борщевика (это такая трава, объяснила она). Без Хельги мне было совсем одиноко, даже бумаге я не могла поверить свои размышления, потому что уже поняла, что это чревато. От тоски я бездарно рифмовала свои жалобы на чудовищную жару, напрасно надеялась, что за мной придет любимая Санечка или что мамаша образумится и все же заберет меня домой.

Мать меня навещала, хоть и нечасто; привозила «кофе – сахар – дезик – стиральный порошок»; от нее веяло холодом, и надежды на то, что она по мне скучает, у меня совсем не осталось. «Учись здесь!» – талдычила она как заведенная.

Я знала, что мама переживает из-за разрыва с отцом, и понимала, что для нее хорошо сменить обстановку, тем более она так любит юг и море. И решила, что раз мамаша, как волчица, презрела свои родительские обязанности, то чем хуже, тем лучше – я буду жить в этой школе, какой бы мрак тут ни творился. Больше она никогда не услышит от меня ни одного правдивого слова, ни единой жалобы, и у меня всегда все будет хорошо и даже прекрасно.

Впрочем, общение с родителями в школе вовсе не приветствовалось. Когда ко мне приезжала мама, в комнате обязательно кто-то оставался, чтобы послушать, о чем мы говорим и не жалуясь ли я на школу. Заметив это, я стала предлагать маме лесные прогулки. «Какая красота! А воздух!» – восхищалась она, когда мы гуляли по извилистым горным тропочкам.

Поездки домой могли стоить тебе места в лицее – старшие говорили: да, поезжай, но тогда не возвращайся. Оказывалось сильное моральное давление со стороны коллектива. Тебя уверяли, что домой ты обязательно поедешь, но только когда будешь крепок и заслужишь доверие, а пока нельзя. Да и как же уехать, если вот завтра, например, твой лицей выходит на погружение (то есть начинает осваивать новый раздел из области какой-то науки) или на дежурство по корпусу?

Естественное желание увидеть близких приравнивалось к предательству по отношению к коллективу, и тебя ставили перед вполне понятным выбором несколько раз, пока ты сам не переставал даже заикаться о каких-то путешествиях в лоно семьи.

Я заметила, что Щетинин погружает учеников в состояние постоянного психологического напряжения. Ежедневно директора лицеев напоминают, что можно вылететь в любую секунду, чтобы было страшно что-то потерять. Постоянная психологическая и физическая усталость приводит к тому, что трудно адекватно воспринимать реальность и правильно реагировать. Так нами проще управлять.

За годы работы был сформирован костяк сотрудников, беспрекословно преданный любому пожеланию Щетинина, а все, кто не вписывался в прокрустово ложе школы, выживались и выкидывались. Суть испытательного срока сводилась к тому, чтобы понять, сумеет ли человек отбросить собственное «я» и влиться в поток.

Обида, недоумение и сильное раздражение – вот что я испытывала, когда меня заставили вытащить все сережки из ушей, чистить мешками грязную картошку в компании малоприятных сельских кобыл-дивчин, резать тазиками едкий лук и мыть миллионы тарелок под шлангом с холодной водой по колено в помоях под пассионарные песни.

Я не понимала, почему школа называется Центром комплексного формирования личности детей и подростков Министерства образования РФ, если личность ребенка на удивление профессионально и очень быстро подавляли. Мнение детей в Текосе никого и не интересовало. Существовало только: «Михал Петрович сказал...»

Нужна была идея личности, но не личность. Не частное, но общее. Эта игра длилась двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Неважно, что происходит в мире, когда ты подчинен одному сообществу. В этом была суть школы на протяжении всего времени и сейчас. Уничтожалось все, что так или иначе выделяет тебя. Никакого личного пространства не было. В твоих вещах рылись, из фотоаппаратов вытаскивали пленки и засвечивали, за тобой постоянно следили, шмотки воровали невысохшими прямо с веревок, а твои слова становились известны благодаря прослушкам и стукачам директора. Нужно было улыбаться и здороваться по сто раз на дню, даже если ты уже много раз видел этого человека. Гумилев бы Щетинину здоровья точно не пожелал, думала я о теории пассионарности.

Во время занятий ты должен был быть «включен» – спина прямая, глаза горят жаждой знаний. Историю России преподавали совершенно на новый лад, не как в обычных средних школах. Ее представляли как постоянное противостояние Света и Тьмы, России и Запада. Огромное внимание уделялось Великой Отечественной войне, но о допетровских временах почти ничего не говорилось, кроме красочного рассказа о мужественном подвиге княгини Ольги и о четырех ее способах мести древлянам за убитого ими Игоря Рюриковича.

В первый раз княгиня живьем закопала послов древлян к киевлянам в заранее вырытой яме у своего дворца вместе с ладьей, на которой они прибыли. Во второй раз сожгла посольство из знатных древлян в бане, пока те мылись, готовясь к переговорам с Ольгой. В третий – устроила красивую тризну в память об Игоре, опоила их и велела рубить (летопись сообщает о пяти тысячах перебитых древлян). В четвертый раз в 946 году – осадила город Искоростень, жители которого убили ее мужа, и жестоко расправилась с ними, снова обманув. Княгиня попросила в качестве легкой дани по три голубя и три воробья с каждого двора, велела своим воинам привязать к ногам каждой птицы зажженную паклю с серой и выпустить их на волю. В городе начался пожар, и так Ольга подавила древлян, частично обратив их в рабство и обложив тяжелой данью. Эта история поразила меня тем, что Ольга была первой крещеной правительницей Руси, но понятия о милосердии у нее были весьма своеобразные, и тем, с каким неподдельным восхищением нам рассказывала об этом педагог.

Щетинин подчеркивал, что все мы – элита, будущие президенты, хозяйственники. Парадоксально, что в то же время о политической обстановке в стране и в мире ничего не говорили, телевизор смотреть было нельзя, а газеты были запрещены как «источники грязи и лжи».

Находясь в замешательстве и унынии, я написала два письма (своей первой любви мисс Александре и еще одному старому рокеру-еврею Теду из далекого Сан-Франциско) на печальный ванькин мотив «Милый дедушка, забери меня отседова», но ответа все не было и не было, а потом я и вовсе поняла, что никогда не получу его, что письма мои валяются в лучшем случае в канаве. А скольких трудов мне стоило раздобыть международный конверт!

Оставалось одно – раскаться и уверовать в Идеи школы. При всем желании это было не так просто сделать.

Сила мысли. Энергоинформационное «живое» поле («тронь в одном месте – как отзовется вся цепь»). Макроинформационная структура. Генная память. Соборный этнос, славянские, ведические традиции, общинные отношения. Теория пассионарности Гумилева, Блават-

ская и Рерих, народные напевы, казачество, языческая Русь со всеми своими мощными богами – не каждый справился бы. Но десятилетние дети уверенно оперировали такими понятиями.

Если попытаться собрать этот абсурдный пазл, можно было бы сказать, что политика в центре была как при царе Николае I: «Православие, Самодержавие, Народность». Самодержцем в школе являлся, конечно, сам Щетинин. Директор обезопасил себя от религиозных конфликтов – всем можно было не жрать мясо, а Бог в долине красоты был един, ведь в школе учились дети со всех стран бывшего Советского Союза и даже двое парней из Канады. Неважно, работает в «АЛРОСО-Якутия» твой папа или твоя мама сельская проститутка. Смысл в том, что не все родители хотят видеть своего ребенка каждый день.

«Нужно работать в открытом поле жизни, на всю систему, на коллективное поле Земли через каждого человека. Ребенок должен взять на свою совесть всю систему мироздания. Коррекция жизни ребенка – это участие во всех процессах, которые происходят во всей Вселенной!» – говорил Щетинин и называл сектантством и закрытой учебной системой обычные школы.

* * *

Я решила, что ни за что не буду ходить на народные пляски. Сколько меня ни пытались принудить, ничего у них не получалось. Все равно мамаша не покупала мне туфли, необходимые, чтобы выскокивать нужные ритмы, – они как-то неоправданно дорого стоили.

Больше всего в этом учреждении мне нравились летняя площадка для занятий и полигон. Полигон находился в лесу, в отдалении от школы, как бы и не имея к ней отношения. Я бы ночью дернуть из школы не рискнула, шмальнет еще какой малолетний казак, приняв сдуру за террориста, которыми нас пугает на сборах велеречивый Михал Петрович Щетинин.

Полигон – крутая тема. Секундомер, и ты бежишь, забираешься по врытой в землю огромной – вероятно, тракторной – шине, прыгаешь на землю, падаешь в прорытый руками неведомых усердцев тоннель, который заботливо прикрыт ветками с листьями. По-пластунски ползешь по нему, выбираешься, залезаешь на шину поменьше. Бежишь. Дальше шина меньше диаметром. Прыгаешь. Повторяешь. В оставшееся время отработываешь удары. Это единственное, что меня теперь интересует. Я занимаюсь и на тренажерах, мой отважный пример – Сара Коннор, когда она бежала из тюремной психушки во втором «Терминаторе».

Булгаков запрещен, потому что «дьявольский». Достоевского читать не дают, считают его бесовским и мрачным. Только книга «Подросток» осталась в библиотеке, наверное, это какой-то знак. Хороших книг очень мало, много советского неинтересного хлама. Мне катастрофически не хватает знаний и умного собеседника, и снова, как в детстве, я читаю все подряд и повторяю себе: вот еще на один день меньше осталось до следующего лета, когда я получу аттестат. Я готова завести дембельский календарик, но это непременно заметят и осудят меня всем миром.

Холодные отношения между вечно голодными лицеистами, харизматическая фигура властного Щетинина, на которого все чуть ли не молятся: крутобедрые казачки, хороший паренек Василек, главное достижение которого, похоже, что он восемьсот раз отжимается на кулаках... Но если летом это еще казалось более-менее необычным, эдакий строгий детский лагерь со своей спецификой, то осенью обстановка в школе стала приводить меня в настоящее отчаяние.

Жесткий режим, постоянный недосып, строгие запреты, нездоровый блеск в глазах некоторых дивчин (многих я считала наглухо и опасно сумасшедшими и просто не общалась). Искусственное нагнетание напряжения в школе. Несколько раз Щетинин заявлял на сборах, что уходит и оставляет вместо себя студентов. Я даже с первого раза поняла, что это чес и паскудные манипуляции, но все как назло начинали дико паниковать и громко выть в том духе, что

не оставляйте нас, Михал Петрович, барин, родненький. Как следствие – усиление нагрузки, желание доказать Батьке, что коллектив-то ого-го, пассионарней некуда, может и то, и это, и еще вот это.

Стройка – дивчины передают кирпичи, парни делают кладку. Возводят дома для новых лицеистов, кирпичный дом для родителей Михал Петровича. Результаты действительно поражают, но какой ценой это происходит? О детском здоровье и какой-то там охране труда и речи нет.

В чем была спешка, в чем? Я не понимала этого ни тогда, ни сейчас. Нет, вынь да положь: за два дня отциклевать и залакировать двести пятьдесят «квадратов» паркета... Ну сделали бы мы это на неделю позже, что бы изменилось?

Но мы работаем на опережение, чтобы впереди планеты всей. И тут совпадение с тем, как меня воспитывала мама – она учила делать всегда чуть больше, чем просят. Не могу сказать, чтобы это сейчас мне помогало в жизни.

Царит откровенное невежество, и я это понимаю – зато всегда можно услышать что-нибудь новенькое про макрокосмос или клеточный уровень. Порой Щетинин садится за рояль, вокруг которого сразу же собираются восхищенно глядящие студентки, и наигрывает мелодии на уровне музыкальной школы.

Анекдоты рассказывать нельзя. Самые приличные можно, но называть их нужно почему-то «притча». Я слышу захватывающие истории про пшадского мальчика – это такая южная легенда о местном снежном человеке из поселка Пшада.

Я старалась. Не отлынивала от работы, от пробежек. Перестала болеть. Поселковый врач приходила редко, из таблеток у нее были только аспирин, анальгин и стрептоцид. Отсутствие медицинского обеспечения меня просто поражало, как и дремучие способы борьбы с хворями. Если какой-то неудачник заболел, от него отворачивались, как от прокаженного, и говорили, что это «поле вышибло», значит, были неправильные мысли. Вши заводились, по мнению текосян, тоже от черных мыслей.

Из Краснодара к нам приезжала врач, мама одного из лицеистов, Леша Боткина. У нее был специальный аппарат, на котором она заряжала так называемые «пульки». Они и правда были похожи на пули, только маленькие. Их надо было приклеивать пластырем к тому месту, которое болит, и тогда недуг якобы уходил.

В медицинский кабинет вызывали по одному. Я призналась, что последнее время плохо себя чувствую. Лицо у женщины осталось таким же спокойным и невыразительным, как будто это нормально – что у подростка на жаре ноет сердечко. Подумаешь.

У меня был врожденный порок сердца, добавила я мрачно на всякий случай. Мама говорила, что важно такое сообщать докторам. Обычно они нервничали, когда это слышали, назначали кардиограмму. Но тут не сработало.

Врач бесстрастно зарядила на аппарате «пульку» и протянула ее мне:

– Сердце болит – приклеивай под сердце.

Я прилепила «пульку» пластырем и вышла из кабинета. Весь центр уже тусовался с этими «пульками». Кто к глазу прилепил, кто к руке, кто к прыщам. Проверяли друг друга – есть ли «пулька», крепко ли держится.

На вопросы, что это за аппарат и как работают «пульки», мне никто не смог ответить. Я поняла, что никто не знает, и стала ее потихоньку отклеивать, а перед душем приклеивать, чтобы дивчины видели, что я тоже в теме. Потом эта тема сама собой отпала, все эти «пульки» растеряли или сдали старшим. Я свою потихоньку спустила в толчок, одну из дырок в полу, что в Главном корпусе заменяли нам унитазаы.

Что это было? Вдруг – думаю я сейчас – мы пару месяцев были не просто дети, а, скажем, живые бомбы? Что проворачивал Щетинин? Какие эксперименты над нами ставил?

Несмотря на альтернативную медицину, отношение к здоровью учащихся было, мягко говоря, наплевательским.

У лицеистки Олеси появилась рожа на ноге. Это инфекционное заболевание, это заразно. Нога у девочки распухла, она не могла ходить. На эту несчастную ногу плевали все желающие (суеверия в Текосе были модной темой), и кто-то умный заявил, что именно так и лечат от рожи. Домой ее отправили, когда нога Олеси стала похожа на слоновью и толку от Олеси не было никакого, даже подметать она не могла. Перед отъездом она выклянчила у меня джинсы, которые на нее все равно не налезали.

Когда один из парней лежал с температурой сорок градусов, его лечили сырыми яйцами – ставили их в изголовье и капали свечкой. Очищали, читали молитвы. Повезли бедолагу в соседний поселок Пшада к бабке-шептунье, и она «заключила», что парня сглазили. Когда тот кое-как оклемался, то сам поехал в больницу в Геленджик. У него взяли анализы и поставили диагноз: сальмонеллез! Он выжил чудом, сказали врачи.

Старожилы рассказывают, что в школе были смерти, потому что Щетинин не пускал туда врачей. Один парень умер от отека легких – с воспалением легких его заставили ехать сдавать экзамены в Ростов. Так себе перспективы... Нужно закаляться, бегать и трениться в качалочке, подумала я. Раз уж так повезло, что в моей жизни вдруг оказались бесплатные тренажеры.

В деревянных лубочных домах, таких красивых снаружи, мерзкие крысы прогрызли свои хитрые ходы и воровали еду из ящиков под кроватями, временами гарцуя по спящим детям; я трусливо предпочитала верхние ярусы. Девятилетнюю Женю из Архангельска ночью за ухо укусила крыса. Ребенок долго плакал, потом устал и снова заснул. Одну спящую студентку крыса грызнула прямо за нос...

Несмотря на эти «рабочие моменты», напоказ школа сияла начищенными паркетными, армейской аккуратностью, свежими детскими лицами. Нарушать режим было нельзя, а воскресенье отличалось от будней тем, что нам давали выспаться аж до семи утра. Все должны были быть заняты делом, и днями напролет дети либо учились, либо работали, либо и учились, и работали, а за дисциплиной строго следили старшие студенты.

Вот официальная информация:

«Истоки эксперимента лежат в восьмидесятых годах прошлого века, когда Михаил Щетинин занимал должность старшего сотрудника НИИ средств и методов обучения АПН СССР. Суть его эксперимента состояла в создании школьного агропромышленного комплекса, при этом сочеталась учеба в первой половине дня с трудом школьников во второй половине дня. Кроме этого М. П. Щетининым вводились неожиданные педагогические новшества: сокращение времени уроков, отмена оценок, домашних заданий и т. п. Эксперимент не дал положительного результата и был закрыт после комиссии Министерства просвещения СССР».

Все началось со станицы Азовской, где в 1988 году Щетинин создал «Журавушку» – новую экспериментальную школу, которой был придан статус государственного общеобразовательного учреждения. Новая педагогика, простор для самовыражения, новые лица в неизвестном селе и, само собой, стройка.

Для Азовской это было неслыханной удачей – на глазах изумленных жителей творится новая история, еще и с телеканалами и прочей шумихой. То время вспоминают как лучшее, вдохновлены были все, но произошел раскол.

«К концу первого года школа по настоянию родителей была разделена на разновозрастную и одновозрастную, а к концу второго – разновозрастная школа официально отделилась. В учебную программу, помимо прочих особенностей, была включена пропаганда идей Агни-йоги, а также просмотр сеансов Кашпировского и Чумака. Налаживались связи с вузами, которые оформлялись в виде очно-заочной формы обучения, при которой преподаватели вузов сами приезжали в Центр Щетинина», – пишет в газете «Сельская новь» некто А. Цирульников.

И в 1996 году школа производила впечатление «странной», статья так и называется – «Странная школа».

Пошли нехорошие слухи про Батьку, и часть детей забрала с собой в Подмоскowie одна из педагогов Щетинина. Михаил Петрович после скандала перебрался с преданными ему учениками поближе к побережью Черного моря, в село Текос, чтобы там основать Школу Будущего.

В конце девяностых годов была популярна секта «Анастасия». Она образовалась после выхода одноименной книги – красивой сказки о сибирской красавице, которая заклинает кедры в глухой тайге и молится за Россию. Книга вышла огромным тиражом в серии «Звенящие кедры России». Автор, предприимчивый Владимир Мегре (его настоящая фамилия более прозаична – Пузаков), даже трахнул в одной из книг трехтомника эту светловолосую кудрявую девственницу под Родовым Кедром, и по всем сказочным законам жанра снизошло к нему просветление и испытал он невероятный по силе оргазм.

Потом Щетинин и Мегре, как сейчас говорят, решили пропиарить друг друга. И в одной из книг Пузаков написал про нашу школу такие «незабвенные» строки:

«Многие годы потребовались бы на просмотр подобного количества информации в кино, а тут – одно мгновение, и снова предо мной Анастасия, она и позу не успела поменять свою. Заговорила сразу, как ее увидел:

– Подумал ты, Владимир, что лишь гипноз какой-то видения твои. Прошу, пожалуйста, не думай над разгадкой, с чьей помощью предстали пред тобой они. О детях говорили мы. О главном! Детей увидел ты? Скажи?

– Да, видел я детей. Осмысленны их лица и добры. Дом сами строят дети, красивый очень дом, большой. Еще они поют при этом. И человека среди них седого видел. Он академик, этот человек. И мне он сразу показался мудрым очень. Да только странно говорит. Считает, будто дети мудрее могут быть и даже тех, кто звания ученые имеет. С тем академиком седым общаются как с равным себе дети, и с уважением в то же время. Ну, там, в видении, о детях много было».

Наверное, после распада Союза в конце девяностых нужна была вера во что-то хорошее, в добрую сказку. Я надеюсь, что бизнесмен Мегре будет гореть в аду, потому что он заработал на людской наивности бешеные деньги.

Они к нам приходят, так называемые анастасиевцы. Босиком плетутся аж из Геленджика. Выглядит это жалко – пыльные патлатые немолодые люди увешаны «кедриками», самодельными украшениями из кусочков когда-то звенящих кедров.

Две наши светловолосые близняшки из Уфы прятались в шкафах от этих оголтелых сектантов, потому что по странному совпадению идеально подходили по описанию под выдуманную Анастасию, а одну из них действительно звали Настей.

Мегре уверял в своей книге, что Анастасия делится своими способностями с детьми. Почему именно с детьми из школы Щетинина? «Потому что академик Михаил Петрович Щетинин – сам великий маг, создавший и продолжающий создавать Пространство Любви, и оно будет увеличиваться!» – отвечал автор недогадливому читателю, предваряя его вопрос.

Анализировать эзотерический бред, конечно, дело гиблое, но очень похоже, что одной из ключевых задач, которые ставил перед собой амбициозный педагог, было именно расширение проекта, и следующие строки Мегре звучат просто пугающе: «Сейчас еще маленькие русокодые Анастасии. Но они подрастут! Пойдут по Земле, создавая такие же оазисы, пока не заполнят ими Землю всю».

Взрослых школа обычно восхищает – светящиеся детские лица, красивые дома, великолепный пейзаж, народная тема, заклинатель Михаил Петрович... Реклама Владимира Мегре сработала – анастасиевцы и мистически настроенные граждане стали отдавать своих отпрысков в школу. Щетинин регулярно приглашал в школу известных и богатых людей, чтобы показать им, на что способны маленькие ручки под чутким руководством.

Школа всегда приветствовала спонсорскую помощь. Правда, куда девались эти деньги, совершенно непонятно, как и не было их вовсе. Всего один раз за целое лето нам привезли машину арбузов, и учащиеся так радовались, что били их напополам об землю и жадно ели ложками. В остальном – аскеза.

Дети действительно способны на многое. Когда я вижу, как парни и дивчины строят каменные дома, которые поднимаются из фундамента как по волшебству, почему-то ностальгически вспоминаю, как нудно родители ремонтировали наш летний домик в Новороссийске – сейчас мама и брат живут там вдвоем. Процесс был неспешным, но неизменно нервным.

Сначала мать подолгу просила отца о чем-то, например, зацементировать ступеньки, побелить домик или покрасить деревянные полы – неважно. Папа на уговоры поддавался с большой неохотой, было видно, как ему невесело заниматься всеми этими тяжелыми принудительными работами. Он выносил с кухни верную многолетнюю табуретку, с громким стуком ставил ее на верхнюю раздолбанную цементную террасу, присаживался и в мучительных раздумьях закуривал. Вероятно, ему надо было собраться с силами.

Выбросив щелчком окурок за деревянный забор к соседям, папа ловко скручивал из припасенной газеты самодельный головной убор типа пилотки, демонстративно надевал на голову и принимался командовать нам с мамой, что делать. Ему явно не хватало сочувствующей публики – утомившись уже через четверть часа, папа неожиданно выкрикивал:

– Сын!!! Иди хоть посмотри, как все это делается!

Брат отмалчивался в доме, видимо, надеясь, что про него в этой самостийной школе ремонта забудут. Но мать радостно подхватывала:

– Сыночек! Слышишь? Иди посмотри, как папа раствор замешивает!

– А, болван! – отвечал отец. – Зачем ему это надо?!

Мамаша не отходила от пахана ни на шаг – то ему надо было подержать табуретку, когда он белил, то подавать гвозди, то еще что-то. Перекуривал отец через каждые двадцать минут, и мама проявляла характер – начинала нервно кричать, что он больше курит, чем работает.

Уже маленькими мы знали, что для раствора нужны холодная вода, цемент, песок и иногда щебень. Вода из крана шла круглосуточно, что большая редкость для Новороссийска. Цемент задешево покупался у рынка, ведь город всегда славился своими цементными заводами. Новороссийцы радовались тому, что нефть и цемент смущают всякую «курортную сволочь». Отношение к отдыхающим, или «бодычам», как называют их в Новороссийске («куропачам», как говорят в Анапе, «бздыхам» или «бдохам» – это уже Геленджик и Туапсе), вполне оправданно. Люди приезжают отдохнуть, но ходят вечно пьяными и почти голыми, оставляют после себя на пляжах горы мусора – от дынных корок до шприцев, хамят, заявляя, что привезли сюда свои деньги, поэтому будут веселиться так, как считают нужным. Хоть Новороссийск никогда не был курортной Меккой к облегчению всех жителей, но местные школьники каждое первое сентября после линейки переодеваются и идут убирать по побережью окурки, бутылки, объедки... Кому такое понравится?

Считалось, что в городе плохая экологическая обстановка – тогда еще не было фильтров на трубах цементных заводов и их было больше. Нефтепроводы под дном моря только строили, и периодически происходили, как и сейчас происходят, разливы нефти с сопутствующими факторами, такими как гибель дельфинов и рыб, и неотстирываемыми черными пятнами на шортах, если посидеть на камушках у воды. Поэтому отдыхающие в погоне за целебным воздухом и чистой водичкой перли засирать побережье дальше, а город сохранял незыблемое спокойствие и хорошую репутацию как в сезон, так и в другие времена года.

Родители посылали нас по темноте воровать у соседей остальные компоненты для раствора – и мы с братом по-партизански крались к кучам чужого песка и щебенки, набивали свои детские ведерки и одно большое, совершая по несколько заходов...

В Текосе стройка уже серьезная, взрослая. И возводятся настоящие дома, а не подшаманивается столетняя саманная хибара. Студенты, что учатся на заочном в Ростовском государственном строительном университете, уверенно руководят процессом. Все ищачат наравне, и тут Щетинин снова ставит перед дилеммой, хорошо это или плохо: с одной стороны, ребята живут сами потом в этих домах. Они понимают, что построенный дом – результат их коллективного труда, просыпается ответственность за сделанную работу, а с другой стороны, дома им на самом деле не принадлежат и в процессе участвуют десятилетние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.